

М. Покровский

**Историческая наука и борьба
классов**

Выпуск 1.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
П48

П48 **Покровский М.**
Историческая наука и борьба классов: Выпуск 1. / М. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 327 с.

ISBN 978-5-458-52129-1

Отмечая годовщину со дня смерти М.Н. Покровского Редакционная коллегия по изданию его сочинений выпускает в свет сборник его историографических работ. В нем собрано все основное, характеризующее Михаила Николаевича как неутомимого борца-большевика против буржуазной историографии и буржуазного принципа беспартийности в науке, против контрреволюционного троцкизма и правооппортунистических теорий.

ISBN 978-5-458-52129-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Старейший представитель большевистской гвардии, активный участник революции 1905 и 1917 гг., активный участник социалистического строительства, в деле народного просвещения М. Н. Покровский был неутомимым бойцом на теоретическом фронте, возглавляя марксистскую историческую науку.

Отмечая годовщину со дня его смерти Редакционная коллегия по изданию сочинений М. Н. Покровского выпускает в свет сборник его историографических работ.

В нем собрано все основное, характеризующее Михаила Николаевича как неутомимого борца-большевика против буржуазной историографии и буржуазного принципа беспартийности в науке, против контрреволюционного троцкизма и правооппортунистических теорий.

Сборник выходит в двух выпусках.

В первый выпуск, целиком составленный из статей, написанных М. Н. Покровским в послереволюционный период, наряду с основным курсом по историографии, вошли важнейшие работы Михаила Николаевича об особенностях исторического развития России, в которых он разоблачает буржуазные и меньшевистско-троцкистские концепции русского исторического процесса.

Сюда же вошли статьи, характеризующие основные установки М. Н. Покровского в вопросах изучения истории пролетариата и его взаимоотношений с крестьянством.

Содержание второго выпуска составили статьи и рецен-

зии характеризующие отдельных историков и их работы. Сюда же вошли статьи и выступления М. Н. Покровского о Марксе, Ленине и ленинизме в исторической науке, а также его речи и статьи о задачах исторической науки в условиях социалистического строительства.

Ко второму выпуску сборника приложен именной и предметный указатели.

Сборник подготовлен к печати Институтом Истории Ком-академии.

В окончательно подготовленном виде сборник был рассмотрен Редакционной коллегией по изданию сочинений М. Н. Покровского под председательством А. С. Бубнова в составе: М. А. Савельева, В. В. Адоратского, Н. М. Лукина, В. П. Милютин, В. В. Максакова, Е. Б. Пашуканиса, С. С. Сефа.

БОРЬБА КЛАССОВ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹

Предисловие к первому изданию

Большая часть предлагаемой книжки представляет собою стенограмму лекций, читавшихся в Зиновьевском университете в начале мая этого года. Это необходимо сказать в объяснение стилистических особенностей текста. Хотя у публики и существует предрассудок, будто стенограф записывает «слово в слово», на самом деле записать все слова возможно только при очень большой медленности произношения—при диктовке. В живой же речи самое большее, что может быть достигнуто—это не пропустить ни одной фразы и не исказить смысла. Данная стенограмма после правки этим требованиям вполне удовлетворяет: за смысл и содержание я ручаюсь, слова же и обороты речи весьма часто не мои. Как литератор, я бы во многих случаях выразился иначе—вероятно, иногда и сказал иначе, как лектор, но записывавшим не удалось схватить формы изложения, а только содержание. Для деловой цели—сообщить читающей публике известные факты и мысли по их поводу—этого вполне достаточно.

Там, где и этот скромный результат не мог быть достигнут, я предпочел взять печатный текст моих статей на те же темы (в «Вестнике Социалистической академии» и «Под знаменем марксизма»)—из последнего журнала почти целиком взята глава о Плеханове, с небольшой вставкой и еще менее существенным пропуском). В одном случае—фактической критики взглядов Соловьева и Ключевского—я добавил то, что должно было войти в состав курса, но было при чтении опущено из-за недостатка времени.

¹ Лекции, читанные в Ком. университете им. т. Зиновьева (ныне II ком. университет) 3—7 мая 1923. Изд. «Прибой» 1928 г., 2-е испр. изд.

Обращается книжка к той же читающей публике, какая слушала лекции—к студентам наших комвузов и ФОН-ов. Это отнюдь не исследование, это просто маленькое пособие для первоначальной ориентировки при чтении основных немарксистских или не совсем марксистских книжек по русской истории. В марксистской литературе такого пособия не существует, да и немарксистские пособия на эту тему не идут дальше «рационализированной библиографии»—перечня авторов и названий с кратким изложением содержания, так что оправдывать появление в свет настоящего пособия как будто не приходится.

I

Товарищи, позвольте в вашем лице приветствовать Второй коммунистический университет, где я имею честь выступать. В Свердловском я уже действую довольно давно.

Вы—та новая школа общественных наук, о которой мы до сих пор только мечтали. И я должен сказать, уже не впервые за эту революцию мечты оказываются гораздо ближе к действительности, чем мы позволяли себе надеяться. Уже сейчас вы представляете совершенно своеобразное, оригинальное, не по какому-нибудь плану выдуманное, но созданное действительно самой жизнью, самой стихией революции учреждение.

Вы и есть собственно тот факультет общественных наук, о котором мы мечтали. С течением времени из Зиновьевского и Свердловского университетов выйдет та новая школа общественных наук, которая будет действительно марксистской не потому, что там преподают марксисты, а потому, что там немыслима будет никакая история, кроме марксистской, и никакое студенчество, кроме пролетарского. В этом и заключается сущность преобразования высшей школы.

Не в том дело, чтобы в старую высшую школу посадить людей, знающих Маркса. Опыт показывает к сожалению, что люди, великолепно знающие Маркса, попав на кафедру обычного университета, весьма скоро становятся похожими на самых заурядных университетских профессоров. Чтобы не беспокоить никого из товарищей, близких к нам, я приведу вам классический пример—Кунова. Крупный марксист в прошлом, став профессором буржуазного Берлинского университета, теперь пишет вещи, от которых не откажется любой буржуазный профессор того же Берлинского университета. Так что не в этом дело, а в том, чтобы создать

обстановку работы совершенно новую. В основе всего лежит дело, в основе всего лежит практика, а не теория. Самый способ вашей работы, живой и активной работы, а не мертвого слушания лекций,—этот способ и является наиболее ценной особенностью новой школы, из чего вы можете заключить, что мое появление на этой кафедре отнюдь не составляет необходимой части этой новой школы общественных наук. Несомненно, что я и всякий другой лектор, читающий лекции сотням людей—это конечно остаток старой школы в новом коммунистическом университете. Это нечто вроде остатка хвоста у человека—инструмент, в значительной степени ненужный. И моим величайшим счастьем будет момент, когда вы будете обходиться без таких лекций. Сейчас вы к сожалению обходитесь без них повидимому не можете и здесь, и в Свердловском университете. Поэтому приходится лекции читать, но курс мы держим на время безлекционное, когда ваши самостоятельные, активные занятия будут заполнять все время и когда ваше образование будет делом ваших собственных рук, только при помощи старших товарищей. Это—тот идеал, к которому мы должны стремиться. Идеал студента, как губка, пассивно впитывающего в себя мудрость профессора,—это идеал старой буржуазной школы, и с ним надо расстаться.

С этой точки зрения,—что нужно отправляться от практики, а не от теории,—я подхожу и к тому маленькому курсу, который я собираюсь вам прочесть. Так как у меня в распоряжении очень малое количество часов, так как, с другой стороны, мне кажется, что вы достаточно осведомлены в конкретной стороне новой и новейшей русской истории, то я решил так: конкретного курса не читать. В какой бы области я мог бы вам дать что-нибудь новое, да и то не наверняка? Скорее всего в области истории XX в., но XX в. в русской истории не уложишь в 8—10 часов. Это было бы нечто до такой степени скомканное, до такой степени конспективное, что читать это в форме лекций было бы и мне самому скучно, и вам слушать неинтересно. Я поэтому выбрал нечто другое. В то короткое время, которое вы здесь работаете, вы не можете ведь овладеть всей литературой по русской истории. Несомненно вы будете пополнять те лекции, которые у вас читаются, самостоятельными занятиями дома, чтением дома. Что вы будете делать? Я допускаю, что вы читаете конечно и марксистские книжки по русской истории, вероятно многие из них знаете наизусть, но в этих книжках далеко не все, что вам нужно. Вам постоянно при-

дется обращаться к домарксистской литературе. И вот тут налицо есть большая опасность, что вы отнесетесь к ней так же, как относятся многие товарищи, гораздо старше, гораздо опытнее, гораздо авторитетнее вас. Вы будете брать буржуазные книжки по русской истории совершенно так же, как вы берете книжки по физике например, т. е. как некоторую фотографию того, что есть в действительности. Когда в физике описываются явления электричества, то описывается то, что есть в действительности. Поэтому, если вы возьмете книжку с рисунками, чертежами и будете ее читать, эта книжка даст вам понятие, какое можно дать о явлениях электричества, не показывая их в виде лабораторного опыта. Это действительно так, и многим из нас кажется, что если вы возьмете книжки по русской истории, то вы найдете в них точно такую же фотографию известного исторического периода.

Возьмем «Историю государства Российского» Карамзина. Она устарела, устарел подход, устарела точка зрения, но все-таки, думает читатель, в ней изображается русская история от времен Рюрика до Смутного времени, на котором остановился Карамзин. По этой книге можно, стало быть, ознакомиться с русской историей точно так же, как по учебнику физики вы знакомитесь с электричеством. Эту ошибку совершают многие товарищи, очень авторитетные. Они говорят: «Это установлено в науке», приводят ссылки на тот или другой курс Ключевского, Платонова, на работы Чичерина, Соловьева. «Это,—говорят,—факты, такие факты были». А между тем, дорогие товарищи, это вовсе не факты. Это идеология, т. е. отражение фактов—я не знаю, как сказать—в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью.

Что такое идеология? Это есть отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом интересов классовых. Вот что такое идеология. И в этом смысле всякое историческое произведение есть прежде всего образчик известной идеологии. Не следует смущаться тем, что там каждая строчка прибита цитатой, к каждой строчке примечание: «смотри летопись такую-то, том такой-то, страницу такую-то». Это ровно ничего не доказывает. Все идеологии состояются из кусочков действительности, совершенно фантастической идеологии не бывает, и между тем всякая идеология есть кривое зеркало, которое дает вовсе не подлинное изображение действительности, а нечто такое, что даже с изображением в кривом зеркале сравнить

нельзя, ибо в кривом зеркале вы все-таки свое лицо узнаете по некоторым признакам: есть борода—нет бороды, есть усы—нет усов. Здесь же идеологически настолько может быть замаскирована действительность, что брюнет окажется блондином, бородатый человек окажется бритым совершенно как херувим и т. д. Ко всякой исторической книжке надо иметь ключ—все равно, как имеешь ключ к шифру—и только, когда вы сумеете расшифровать историческую книжку, только тогда вы действительно будете в состоянии пользоваться ею. Повторяю, с крупнейшими и авторитетнейшими товарищами бывают случаи, что они, не имея этого шифра, на веру принимают ту абракадабру, которую представляет всякая шифрованная вещь, и воображают, что эта абракадабра есть действительно история.

Задачей моего курса является показать вам на нескольких примерах,—это можно сделать именно при помощи примеров и не в долгое время,—что представляет собою в действительности домарксистская, а отчасти и марксистская литература русской истории и как ее нужно расшифровать, чтобы воспользоваться ею. Прежде всего в буржуазной науке, как и полагается, хороший шифровальщик старается скрыть, что перед вами шифрованный текст. Я вам приведу пример. Недавно Академия наук выпустила книгу по методологии истории, заглавное произведение покойного академика Лаппо-Данилевского. Там вы найдете изложение сотен сочинений по методологии истории. Изложение ведется так: берется книжка, из нее даются цитаты, дается ее сжатое содержание, резюме книги, затем соответствующие сноски; потом берется другая книга, третья; все это расположено в хронологическом порядке и, в целях наибольшей объективности, ни звука не сказано о том, что за человек был автор, в какой обстановке возникла книга, какая общественная среда окружала автора, какая борьба происходила в этой общественной среде. Об этом нет ни звука. Это нарушило бы академичность и объективность изложения. В результате, читая Лаппо-Данилевского, вы никогда не догадаетесь, что стержнем, пронизывающим весь марксизм, является классовая борьба. Лаппо-Данилевский, когда был жив, вероятно очень горд был чрезвычайной объективностью своего изложения, но эта объективность чисто публицистический прием. Это и есть зашифрованный текст. В самом деле, чего достигает Лаппо-Данилевский таким изложением? Именно того, что этого самого стержня—классовой борьбы—вы не замечаете не только в марксизме, но и на всем протяжении ис-

торической науки, которую излагает Лаппо-Данилевский. Вы не замечаете живых людей с их интересами и реальной общественной средой, которая их воспитала и выдвинула. Вы видите перед собой только книги, написанные в кабинете людьми, которые были совершенно оторваны от действительности и руководствовались соображениями «высшей истины» в четырех стенах своего кабинета.

Что нужно буржуазии? Да именно скрыть эту самую классовую борьбу, потому что, если она встанет на точку зрения классовой борьбы, она должна будет принять и социалистическую революцию, как ее завершение, т. е. подписать себе смертный приговор. Поэтому буржуазия всех стран всячески замаскировывает классовую борьбу, и отношение буржуазных критиков к историкам-марксистам именно тем и меряется, как данный марксист ставит классовую борьбу. Ставит он ее менее остро—отношение более благоприятное, ставит более остро—и отношение более острое. Чем острее и определеннее ставит классовую борьбу данный автор-марксист, тем непримиримее отношение к нему буржуазии, точно она сама от него заражается классовой точкой зрения. На самом деле, повторяю, для буржуазии чрезвычайно важно доказать, что классовой борьбы нет, потому что это значит, что буржуазия и буржуазная интеллигенция представляют весь народ. Как только они станут на классовую точку зрения, им придется признать, что их парламент классовый и, значит, не выражает интересов всего народа, что их литература классовая, что их наука классовая. Они должны будут это признать. Но если они замяли этот классовый момент, если они показали своему читателю, что существуют только отдельные ученые с их мыслями, а классов нет, если они классы угнали за пределы видимости, то они сведут концы с концами. У них получится надклассовая наука, которая плавает как дух Иеговы над хаосом.

Вот почему книга Лаппо-Данилевского, на вид такая объективная, на самом деле является типичным образчиком классовой буржуазной публицистики в области истории. Только одним тем, что эта книга скрывает, как классовая борьба влияла на писание истории на протяжении веков, она уже этим самым делает дело определенного класса. И нам приходится прежде всего поставить на ноги то, что у Лаппо-Данилевского стоит на голове,—вернуть в историю ту классовую борьбу, которую он отрицает, подходить к каждому историческому произведению, как к продукту этой классовой борьбы. Если вы перестанете верить, что историческая

книжка, написанная буржуазным историком, представляет моментальную фотографию исторического процесса, если вы поймете, что это—кривое зеркало, вы получите ключ к тому шифру, каким написана книжка.

Теперь позвольте перейти к конкретной части изложения. Историю влияния борьбы классов на писание русской истории приходится начинать задолго до того, как появились те исторические книжки, которые вам приходится читать, ибо не только сами эти книжки являются продуктом классовой борьбы, но и те материалы, на которых эти книжки основаны, тоже являются продуктом классовой борьбы. Многие из вас,—я думаю что большинство,—помнят картину, изображенную Пушкиным в «Борисе Годунове»: летописца Пимена, пишущего свою хронику, «добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости ни гнева». Это первый исторический обман, с которым мы, учившиеся в средней школе, встречались в самом раннем возрасте. Фигуру этого летописца, бесстрастного, спокойного,—«так, точно дыж в приказах поседельй, опокойно зрит на правых и виновных» и т. д.,—эту фигуру надо разрушить. Чрезвычайно любопытно, что теперь, под влиянием может быть отчасти нашей заразы, начинают расставаться с этим образом сами буржуазные исследователи. Вам вероятно приходилось слышать имя Шахматова (был такой академик, тоже скончавшийся недавно, работавший над летописями). Это—крупнейший специалист по русским летописям, какого выдвинула буржуазная наука в последнее время. Вот что он говорит о летописцах. «Наши летописи, — говорит Шахматов, — страстно освещали современные события. Рукою летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, разворачивающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, — оценку религиозного мыслителя, чающего водворения царства божия в земной юдоли. Нет, рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы». Он не договорился до того, что рукою летописца управляли классовые интересы. Но тогда Шахматов не был бы буржуазным исследователем. Но и буржуазные исследователи дошли в конце концов до того, что никакого бесстрастного Пимена никогда не существовало и что на самом деле летопись, такую сухую, такую далекую на первый взгляд от жизни, писали живые люди с плотью и кровью, и пером их руководили политические страсти

Вот маленький образчик, которым я закончу первый час.

Этот маленький образчик касается одного факта, может быть вам известного, хотя к счастью ваши головы не начинают той чепухой, какой начинали в свое время наши головы. Это — рассказ о начале русского государства, или, как короче говорят, «о начале Руси». Вы помните этот рассказ, как собрались разные племена — и чудь, и меря, и кривичи — и решили призвать из-за моря, из Швеции, князя Рюрика с братьями, которые бы «владели нами и княжили по ряду, по праву». Это стало поговоркой—«обратиться к варягам», «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет» — и т. п. Уже довольно давно еще буржуазные историки не могли не заметить явных, наглядных несообразностей этого рассказа. Прежде всего — как это разноязычные племена, пребывающие в состоянии большой дикости (о некоторых из них сам летописец говорит, что они жили «зверинским образом»), как они ухитрились создать такую учредилку, которая выбрала этого Рюрика и К°, как это себе представить,—на каком языке объяснились они? Это одно. Вторая странность: где они стали искать себе князей? Послали к варягам! Что такое варяги? Норманны. Что такое норманны? Морские разбойники, которые дали повод добавить к «Отче наш»: «спаси нас от неистовства норманнов». Почему обращаются к этим разбойникам, чтобы они княжили и судили по праву? Это странно. Человека должны были бы вести на суд в качестве подсудимого и вдруг, когда его привели, его сажают на судейское кресло и говорят: «пожалуйте, милый человек, судите». Это напоминает стихотворение Гейне о царе Рампсените, который после похищения у него драгоценностей не нашел ничего лучше, как объявить:

*Чтоб на будущее время
Прекратить сии хищенья,
Заявивши вместе вору
Нашу дружбу и почтенье,*

*Мы женить его на нашей
Дщери правильным находим
И, как будущего зятя,
В сан царевича возводим.*

Но — это пародия, это — насмешка над королями, царями и т. д. Кто же в действительности делает такие вещи, чтобы взять вора и объявить его наследником престола? А славяне сделали это.

Займемся более детальным анализом фактов. По этому рассказу князья были призваны из-за моря править Русью для того, чтобы навести в ней порядок, прежде всего привести правильный суд, «иже бо судил нас по ряду, по праву». Но удалось восстановить первоначальную запись, первоначальный текст русских судебных обычаев X в. (а при-